

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ОЛЬФАКТОРНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ РОМАНА

М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

©2015 г. О.С. Крюкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

florin2002@yandex.ru

Целью работы является анализ ольфакторных мотивов романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» в аспекте поэтики и лингвокультурологии. Главный герой обладает повышенной чувствительностью к запахам. При этом искусственно созданные тяжелые, «простонародные», запахи для Клима становятся источником ольфакторной агрессии, которую в романе несут также запахи, связанные с войной. Однако ольфакторное пространство романа наполнено и вполне приятными, домашними, запахами. Домашние запахи, как и запахи природного происхождения в романе не имеют строго закрепленной локализации (Москва, заграница, провинция). Здесь и во многих других местах романа сознание героя вплотную соприкасается с сознанием автора, который передает герою многие собственные обонятельные симпатии и антипатии.

Ключевые слова: роман, русская литература, ольфакторные мотивы, поэтика текста, метафора.

Современные гуманитарные исследования [1; 2; 3] обосновывают необходимость изучения ольфакторного пространства. Однако, как справедливо отмечает Л.П. Якимова, «в литературоведении речь должна идти прежде всего о разных путях и формах включения этого способа чувственного восприятия в эстетический дискурс...» [4, с. 215]. Богатый материал для подобного исследования может стать произведение крупной формы, так что выбор романа «Жизнь Клима Самгина» для анализа представляется оправданным.

Обращает на себя внимание, прежде всего, то, что главный герой романа обладает, как, впрочем, и герой автобиографической повести М. Горького «Детство», повышенной чувствительностью к запахам. В детстве Клима раздражают крепкие духи матери, неприятен доктор Сомов, дышавший запахом водки и соленой рыбы [т. 19, с. 17]. Неприятными кажутся ему и запахи, исходящие от вернувшегося из ссылки дяди Якова: Он внес в столовую запах прелой кожи и еще какой-то другой, столь же тяжелый [т. 19, с. 130].

Восприятие Климом женщин основывается в том числе и на ольфакторных ассоциациях. Так, при первой встрече с Мариной Премировой у Клима возникают неприятные мысли, связанные с обонятельными моментами: Неприязненно следя за нею, Клим думал, что она, вероятно, пахнет потом, кухней, баней [т. 19, с. 199]. Но впоследствии, во время пребывания в Финляндии, подобные запахи в сознании героя связываются с естественным, природным началом: Удивительна была каменная тишина теплых, лунных ночей, странно густы и мягки тени, необычны запахи. Клим находил, что все они сливаются в один – запах здоровой, потной женщины [т. 20, с. 66].

Жена маленького музыканта – Елизавета Спивак, после рождения ребенка, негативно оценивается Климом: Ощупывается, как насадка, – думал Клим, наблюдая за ней исподлобья. От нее пахнет молоком [т.20, с. 22]. Но прежде эта женщина вызывала у героя совершенно иные ольфакторные ассоциации: Клим смотрел ей вслед, улыбаясь, и ему казалось, что плечи, бедра ее хотят сбросить ткань, прикрывающую их. Она душилась очень крепкими духами, и Клим вдруг вспомнил, что ощутил их впервые недели две тому назад, когда Спивак, проходя мимо него и напевая романс «На холмах Грузии», произнесла волнующий стих:

Тобой, одной тобой.

А что, если она пела: «...одним тобой»? [т. 19, с. 242]

Клим даже различает запахи женских духов. Во время беседы с Нехаевой в ресторане он обращает внимание на незнакомый ему запах: – Я угощаю, – сказала она, спросив кофе, ликера, бисквитов, и, расстегнула шубку; Клим обдал запах незнакомых духов [3, т. 19, с. 214]. Запах новых, очень крепких духов, исходящий от Варвары, для Клима означает лишь только неуклюжую женскую попытку отодвинуть неизбежные возрастные изменения: Старееет и уже не надеется на себя [т. 20, с. 598]. Запах женских духов для Самгина ассоциируется и с семейным статусом человека. Так, при первом посещении квартиры Дронова в Петербурге Клим обращает внимание на очень крепкий запах духов.

«Женат», – механически подумал Самгин [т. 22, с. 180].

Запах же духов, исходящий от мужчин, Самгину кажется явным симптомом утраты маскулинности (К нему подошел в облаке крепких духов его противник по судебному процессу Нифонт Ермолаев, красавец, богач, холеный, точно женщина [т. 22, с. 492]) и отличительной чертой неестественного поведения (Шемякин говорил громко, сдобным голосом, и от него настолько сильно пахло духами, что и слова казались надушенными [т. 22, с. 357-358].).

При подобной обонятельной чувствительности искусственно созданные тяжелые, «простонародные» запахи для Клима становятся источником ольфакторной агрессии. В подобную ситуацию («Клим чувствовал, что он задыхается в этом гнилом воздухе, в кошмарной обстановке, ему хотелось уйти» [т. 19, с. 412] герой попадает при посещении доморощенного «проповедника» Якова Платоныча, который намеренно обозначает «обонятельный антагонизм»: Вот господин, сестра моя фабрикует пищу для бедных, - ароматная пища, а? То-то. Между тем, в трактире Тестова... [т. 19, с. 416]. «Зловоние ... , с позиций европейской обонятельной культуры, сопровождало маргинальные сословия, их порочное, грубое и примитивное существование», – небезосновательно подчеркивает Е. Жирицкая [6, с. 176]. Удушливый запах испорченного мяса и навоза [т. 19, с. 412], заполняющий полуподвальное помещение, привносит также некий хтонический мотив.

Ольфакторную агрессию в романе несут также запахи войны и запахи, связанные с войной. Поэтому беженцы становятся источником скрытой угрозы для главного героя, и неприятие этих людей ассоциируется для него с явно враждебными запахами: Сжатые в одно плотное, многоглавое тело, люди двигались все ближе к Самгину, от них исходил густой едкий запах соленой рыбы, детских пеленок... [т. 22, с. 410]. Солдатский быт, спутниками которого являются запахи болота и человеческого навоза, [т. 22, с. 450] также связан для Самгина с ольфакторной агрессией.

Между тем, одни и те же запахи могут и восприниматься как приятные, и как обонятельно агрессивные. Речь идет о запахе табака. Оппозиция «папироса – сигара – махорка» служит указанием на место персонажа в социальной иерархии, хороший табак становится маркером «своего» пространства, дешевый табак – чужого. Так, запах хорошего табака в жандармском управлении ассоциируется с домашним уютом, а запах, по-видимому, дешевого табака в кружке Маракуева, смешиваясь с другими, так же неприятными, запахами, становится для Клима источником ольфакторной агрессии: Строгая, чистая комната Лидии пропитана запахом скверного табака и ваксы; от сапогов Дьякона пахнет дегтем, от белобрысого юноши – помадой, а иконописец Одинцов источает запах тухлых яиц. Люди так надыхали, что огонь лампы горит тускло и, в сизом воздухе, размахивая руками, Маракуев на все лады произносит удивительно емкое, в его устах слово:

– Народ, народ! [т. 20, с. 89]

Очевидно, пресловутый «русский дух», т.е. рассуждения о народе в сочетании с неприятием ольфакторного пространства, и вызывает у Клима Самгина нарастающее раздражение. О русском духе, только в ином аспекте, рассуждает и Марина Зотова:

– Ах, Лионель, чудак, смеялась она почти до слез и вдруг сказала серьезно, не скрывая удовольствия: – Так ему и надо! Пускай попробует, чем пахнет русская жизнь. Он ведь, знаешь, приехал разнюхивать, где что продается [т. 21, с. 357]. Примечательно, что глагол ‘разнюхивать’ здесь употреблен в значении «выведывать, выяснять». Обоняние метафорически становится частью практического знания.

Сама Марина в своем провинциальном бытии вызывает восточные одорические ассоциации: В сумраке, среди ковров и мягкой мебели, Марина напоминала одалиску, изображенную жирной кистью какого-то француза. И запах вокруг нее – восточный: кипарисом, ладаном, коврами [т. 21, с. 125].

Провинциальное пространство в романе насыщено также запахами земли, сырости, угля, пыли, цветов, герани и съестного [т. 19, 379], болотной гнили [т. 22, с. 367].

Петербургский дискурс в восприятии Самгина связан с различными запахами, причем ведущий здесь – запах гниющего дерева [т. 22, с. 346], но природные запахи все-таки пробиваются сквозь запах мостовой: Прошел обильный дождь, и было очень приятно дышать освеженным воздухом, дождь как будто уничтожил неестественный, но характерный для этого города запах гниения [т. 22, с. 346].

Однако ольфакторное пространство романа «Жизнь Клима Самгина» наполнено не только неприятными, но и вполне приятными, домашними запахами. Это успокаивающий запах яблоков и сушеных грибов [т. 21, с. 165], вкусный запах горячего хлеба и липового меда [т. 22, с. 109], медовый запах [т. 22, с. 378] в провинции; запах лампадного масла, сдобного теста и меда [т. 22, с. 177] в Петербурге; крепкий запах яблок [т. 22, с. 22] в заграничном доме матери. Вообще, запахи природного происхождения в романе не имеют строго закрепленной локализации. Это и вкусно морозный воздух [т. 21, с. 303], и запах свежей листвы в Москве [т. 20, с. 155], и душистая свежесть с гор за границей [т. 22, с. 27], и запахи свежей зелени [т. 20, с. 271] в провинции.

Здесь и во многих других местах романа авторское сознание вплотную соприкасается с сознанием героя. На то, что Горький намеренно смотрит на мир в этом романе через «самгинские очки», обращали внимание исследователи [7], но к этому следует также

добавить, что автор передает герою и многие собственные обонятельные симпатии и антипатии.

Примечания

Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» цитируется по следующему изданию: Горький А.М. Жизнь Клима Самгина // Горький А.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Тт. 19–22. М.: ГИХЛ, 1952–1953. В квадратных скобках указывается номер тома и номер страницы.

Список литературы

1. Ароматы и запахи в культуре: В 2-х кн. Изд. 2-е испр. / Сост. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
1. Беляева И.А. Запахи и звуки как знаки любви в романе Ивана Гончарова "Обломов" // Slavica Wratislaviensia CLVIII. Wrocław 2014, P. 83–91.
1. Зыховская Н. Л. Ольфакторная поэтика: запахи в художественном тексте. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 152 с.
1. Якимова Л.П. Ольфакторный мотив в произведениях Леонида Леонова // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы / Российская академия наук. Сибирское отделение. Институт филологии. Вып.5. Новосибирск, 2002. С. 214–226.
1. Жирицкая Е. Легкое дыхание... // Ароматы и запахи в культуре. Изд. 2-е испр. Кн.2. / Сост. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 167–269.
1. Сухих С. И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород: Издательство «Нижний Новгород», 1992. 222 с.

Observations on olfactory space of Maxim Gorky's novel "The Life of Klim Samgin"

The goal of the study is the analysis of olfactory motives of Maxim Gorky's novel "The Life of Klim Samgin" in the aspects of poetics and linguistic cultural studies. The main character has an increased sensitivity towards smells. Artificial heavy "lower-class" smells become a source of olfactory aggression for Klim, alongside with smells connected to war. But olfactory space of the novel is also full of pleasant, "homey" smells. Homey smells like natural smells in the novel do not have fixed localization (Moscow, abroad or country). Here like in many other places the conscience of the character goes in tight intercommunion with the author's mind, and the latter transfers many of his own olfactory sympathies and antipathies to the character.

Key words: novel, Russian literature, olfactory motives, text poetics, metaphors.